

Воспоминания о Некрасове

Говорят, что о мертвых следует говорить только хорошее или молчать. Не знаю, насколько это правильно, особенно когда речь идет о выдающихся личностях, каков был Некрасов. Дело людей оценивать все стороны души человека и прощать ему его прегрешения, если хоть часть его хороших сторон заглаживает дурные. Помимо всего хорошего, высказанного им в стихах, Некрасов, как и всякий живой человек, был не чужд слабостей, свойственных всякому обыденному человеку. Мне было бы очень жаль, если бы читатель увидел в моих воспоминаниях какую-нибудь затаенную злобу или месть. Если у меня шевелилось иногда злое чувство по отношению к Некрасову, то оно и похоронено вместе с его смертью. Его продолжительные страдания искупили в моих глазах все то горькое, что ощущалось мною иногда против него. Стоя у могилы с успокоенными чувствами, я созерцаю прошедшее с беспристрастием летописца, и если во мне шевелятся кой-какие неугасшие чувства, то это скорее чувства любви ко всему далекому, невозвратимому прошлому, сопряженному с моей молодостью...

Вернемся, однако, к Некрасову: я не касаюсь ни его общественной деятельности, ни оценки его поэтических произведений, так как не считаю себя достаточно компетентной, чтобы прибавить что-нибудь к той оценке, которая сделана покойным соредактором его и сотрудником А. Н. Пыпиным. Привожу только те частные факты его жизни, которые проявлялись непосредственно на моих глазах и соприкасались с нашей личной жизнью, моей и мужа моего, Юлия Галактионовича.

Я познакомилась с Некрасовым в 1864 году в апреле. Я заехала в редакцию "Современника", чтобы переговорить об одной статье с Антоновичем. Антоновича еще не было. Я застала одного Слепцова, с которым и разговаривала, когда вошел Некрасов. Отведя в сторону Слепцова, он осведомился у него, кто я, и попросил тотчас же представить мне себя. Еще до запрещения "Народной Летописи" он предлагал Юлию Галактионовичу через Пыпина дать денег, для того чтобы обратить эту газету в ежедневную. Юлий Галактионович согласился и хлопотал о новом редакторе ввиду отказа от ответственного редакторства Ахшарумова, как вдруг ее закрыли по высочайшему повелению. Теперь, встретив меня, Некрасов стал мне объяснять, что очарован публицистическими статьями Юлия Галактионовича в "Народной Летописи" и потому очень бы желал, чтобы Юлий Галактионович принял более близкое участие в редакции "Современника", не ограничиваясь исключительно научными статьями, как было до сих пор.

Я, разумеется, посоветовала ему обратиться к самому Юлию Галактионовичу, что он вскоре и сделал.

С тех пор у нас с Некрасовым завязалось близкое знакомство.

Вернувшись осенью из деревни, он часто заходил к нам по вечерам прочесть то или другое только что им написанное стихотворение или просто поговорить о редакционных делах. Читал он крайне оригинально, совершенно не так, как читали другие поэты того времени: не входил в пафос и не завывал, а читал каким-то замогильным голосом, чему много содействовала его постоянная хрипота.

Отличаясь широким размахом, он представлял удивительную смесь широкой природы с некоторою прижимистостью, обнаруживавшеюся преимущественно в мелочах.

Так, все были удивлены однажды скверным переводом какого-то французского романа, помещенного в "Современнике", где, например, слово *esprit de corps* было переведено - "дух тела" - и тому подобное.

Кое-кто стал укорять Пыпина за пропуск такого перевода.

- Да это ведь не я! Перевод этот поместил сам Николай Алексеевич! Он его купил у неизвестного переводчика.

Кто-то при мне укорял Некрасова за это.

- Грех попутал! - засмеялся он. - Соблазнил меня малый дешевизной: по 8 рублей с листа спросил.

Рядом с этим он не жалел давать большие авансы лицам, которых признавал талантливыми и от которых ждал большого, что зачастую не оправдывалось на деле.

Так, одному молодому писателю, написавшему недурную повесть, он дал не только аванс, но и предоставил свою квартиру в распоряжение во время своего временного отсутствия из Петербурга. Возвратившись, он не застал писателя у себя, а лишь письмо от него, в котором последний просит простить ему совершенную им подлость. Получивши это письмо, Некрасов растерялся и стал совещаться с присутствующими сотрудниками, о какой подлости могла идти речь. Стали высказывать разные предположения.

Вдруг входит его человек Василий и с сумрачною физиономиею спрашивает:

- Николай Алексеевич, вы булавки-то ваши что ль спрятали куда?

- Да они же под стеклом в горке.

- Ни одной нету.

Пошли посмотреть: под стеклом ни одной булавки, из которых некоторые были большой ценности. Некрасов радостно расхохотался.

- Ах, каналья какая, ведь как было напугал! А я боялся Бог знает чего!

Он хорошо сознавал свои слабости и нередко исповедывался нам в своих грехах, которые невольно прощались ему: до того искренне и просто было раскаяние, а разговор его занимателен и умен.

* * *

В практическом отношении у Некрасова был чрезвычайно легкий взгляд на исполнение обещаний, раз они не закреплены официальным путем.

В одно из наших воскресений Некрасов принес нам известие о выпуске первого внутреннего займа. Почти все, у кого были деньги, и те, у кого их не было, захотели приобрести такой заем, в том числе и я. Размечтавшись насчет выигрыша в 200 000, многие стали договариваться, кто сколько кому даст в случае выигрыша, и просили свидетелей бить по рукам. Когда я обратилась к Некрасову разнять руки, он сказал мне:

- Бросьте, Екатерина Ивановна, все эти предосторожности: как только выиграете, ни копейки никому не дадите.

- Что вы! - воскликнула я, - мы ведь на честное слово.

- И честное слово ничему не поможет, когда получите выигрыш в руки! - засмеялся он моему изумлению. - Верьте опытному человеку.

Несмотря на серьезность его тона, я все-таки готова была объяснить это его замечание шуткой. К сожалению, его дальнейшие и притом ближайшие поступки показали, что таково было вообще его воззрение на денежные отношения и на честное слово.

Так, перед подпиской 1866 года, когда, с разрешением обходиться без предварительной цензуры подписка приняла значительно большие размеры, Некрасов обещал делиться прибылью с главными постоянными сотрудниками. Половина суммы с подписки сверх 4000 подписчиков (покрывавших все расходы издания) должна была идти ему, другая - трем главным сотрудникам: Юлию Галактионовичу, Пыпину и Антоновичу. Когда кто-то из них заикнулся Некрасову в январе о его обещании, он ответил, что все будет пока по-старому, что, в сущности, он погорячился, что расходов больше, чем он предполагал. Сотрудники были люди деликатные, в денежных делах конфузливые и неумелые, потому и отошли ни с чем, только посмеялись над кулачеством Некрасова.

В том же году летом мы жили с Антоновичами на даче в Лесном по закрытии "Современника", когда к нам приехал проститься Некрасов, уезжая в деревню. Он заявил нам, что ввиду force majeure он не считает себя обязанным возвращать подписчикам деньги, что он должен еще уплатить кое-какие долги по старым счетам "Современника".

- А вот вам троим (Юлию Галактионовичу, Антоновичу и Пыпину) я велел конторе выдать по 1000 рублей, а затем видно будет.

Поблагодарили. Через день к нам приехал Пыпин и привез делить полученные на троих 500 рублей вместо обещанных 3000.

- Звонарев (заведывающий конторой "Современника") уверяет, что Некрасов - велел выдать пока эти деньги, а остальные мы получим по его возвращении. Есть какие-то неоплаченные счета, - сказал Пыпин.

Переехав осенью в город, после суда над Юлием Галактионовичем, нам пришлось перебиваться, и потому мы поджидали возвращения Некрасова из деревни, чтобы получить из конторы "Современника" обещанные им деньги для уплаты за квартиру и самых настоятельных долгов. Вернулся он наконец и явился к нам в воскресенье вечером, видимо рассчитывая застать у нас по-прежнему общество. Между тем после паники, вызванной выстрелом Каракозова, после обысков как-то все приуныли и перестали собираться друг у друга и заходили больше поодиночке, когда как придется; да и вообще еще немногие переехали в город, и потому Некрасов застал только нас одних. Вел он себя без обыкновенной простоты и радушия, как-то неестественно холодно. Он не извинился за то, что велел выдать всего 500 рублей на троих вместо обещанных 3000, и ни словом не обмолвился о своем намерении выполнить свое обещание. Сообщил, между прочим, что ему все лето присылали в деревню деньги за годовую подписку полностью, лишь бы получить 5 книг "Современника" со статьями Юлия Галактионовича "Вопрос молодого поколения". Я пробовала толкать потихоньку Юлия Галактионовича, чтобы он воспользовался этим повествованием и напомнил ему о деньгах. Но всегда до невероятности щепетильный в денежных вопросах, касающихся непосредственно его самого, Юлий Галактионович не решался заговаривать, надеясь, что Некрасов сам заговорит. Но Некрасов не заговаривал. Зашла речь о суде и приговоре. Рассерженная поведением Некрасова, я заметила ему:

- Удивительно добрый и покладистый человек Александр Николаевич Пыпин. Ведь статьи "Вопрос молодого поколения" были напечатаны еще когда вы подписывались редактором. Помните, вы еще приезжали уговаривать Юлия Галактионовича не вычеркивать из корректуры некоторые места, зачеркнутые им. А вот Александр Николаевич ни за что ни про что судился и приговорен к отсидиванию. Надеюсь, что хоть сидеть-то будете вы, а не он.

- Что же, я готов! - ответил Некрасов смущенно.

В конце концов отсидивать пришлось все-таки Пыпину, которому Некрасов, желая задобрить, послал недоданные до 1000 рублей деньги и штраф.

Уходя от нас, Некрасов будто мимоходом сказал:

- Я велю Звонареву прислать вам завтра штраф (100 руб.).

Из этого я увидела полное намерение Некрасова не платить остальных денег, и так как наше положение было почти безвыходное, то я пошла за Юлием Галактионовичем, вставшим проводить Некрасова, и строго сказала ему:

- Спроси же, а то нас скоро из квартиры выселят.

Нечего было делать Юлию Галактионовичу при таком упоминании; он воодушевился храбростью и сказал Некрасову:

- Как же насчет тех денег, что вы обещали весной?

- Да, да, я распоряжусь! - и поспешно вышел. На другой день из конторы Юлию Галактионовичу принесли 100 рублей для уплаты штрафа. Как ни были мы бедны, но все-таки такой поступок Некрасова не мог нас не возмутить, точно подачка нищему; потому Юлий Галактионович отказался от этих 100 рублей. Часа через три после этого лакей Некрасова привез от него 300 рублей при записке последнего, в которой он говорил, что остальные деньги он оставляет за собой право уплатить или не уплатить, смотря по обстоятельствам. И эти деньги Юлий Галактионович отправил назад при записке, в которой сказал, что желает получить должное, а не подачку, в зависимости от его милости.

На это Некрасов счел нужным написать, что из обратной присылки видит, что Юлий Галактионович не особенно нуждается в деньгах, и потому передаст их кому-нибудь более нуждающемуся.

Обе эти записки Юлий Галактионович показал на другой день приехавшему к нам Пыпину, покачавшему на них головой, и отдал их ему на память:

- Может быть, вам это пригодится для ваших литературных характеристик.

На этом у нас прервались отношения с Некрасовым, пока мы не встретились с ним у Унковского. Мы держали себя сдержанно и избегали говорить с ним. Он чувствовал себя неловко и старался задобрить нас. К концу ужина он прочел нам свое новое стихотворение на современную тогда тему: "Обыск".

Желая как-нибудь сгладить наши отношения и смягчить мою суровость, он сказал:

- Тут и о вас есть, Екатерина Ивановна, - и он прочел.

На другой день приходит к нам Унковский и говорит:

- Сейчас заходил ко мне Некрасов. Кажется пришел, говорит, помогите, родимый, чувствую себя совершенным свиньей перед Жуковским; в глаза совестно было вчера смотреть. Я в долгу у него: я ему тысячу рублей должен, как мне их ему отдать? - Я сказал: "Очень просто, пойдите и отдайте, коль должны". Он все-таки счел нужным меня наперед заслать. Как, говорит, меня Екатерина Ивановна (т. е. я) примет?

Вскоре он действительно пришел взволнованный, извинился перед Юлием Галактионовичем, отдал деньги и стал высказывать разные проекты насчет какого-то нового издания вместо "Современника". Расстались с тем, что как только он скомбинирует что-нибудь, то сообщит Юлию Галактионовичу.

* * *

Мне грустно вспоминать время, сопряженное со слиянием Некрасова с "Отечественными Записками", которые "Современник" не переставал бранить и третировать в продолжение стольких лет.

Наступившая реакция после выстрела Каракозова решила смести все сколько-нибудь либеральные журналы и не разрешать таковых людям с либеральным именем, как Некрасов.

"Отечественные Записки", павшие с процветанием "Современника", почти не представляли выгоды Краевскому; для того чтобы поднять их, требовались имена. А так как общество было либерально настроено, то Краевский придумал предложить своему бывшему врагу - Некрасову присоединиться к своей фирме, предоставив ему полное распоряжение составом редакции, причем долготетнее консервативное направление Краевского как бы служило гарантией благонадежности журнала перед правительством.

Слияние Некрасова с Краевским представилось в первое время чем-то чудовищным; сначала никто не хотел верить, но так как оно оставалось почти единственным выходом, то нашли возможным принять участие в "Отечественных Записках" новой редакции, но всем дружно.

Антонович письменно из-за границы просил Юлия Галактионовича взять на себя защиту всех его интересов по отношению сотрудничества в "Отечественных Записках", буде Некрасов пригласит его, в чем ни Антонович, ни кто другой не сомневался. Но так как Некрасову, избалованному большими барышами, предстояло теперь делиться с Краевским, то он прежде всего задумал сократить расходы по жалованью и гонорару. Воспользовавшись отсутствием Антоновича, он выразил желание получить сотрудничество только Юлия Галактионовича и Пыпина. Обсудив такое предложение, Юлий Галактионович и Пыпин нашли невозможным выкинуть Антоновича. Юлию Галактионовичу это было бы тем более неприятно, что Антонович вручил ему свои интересы, как я писала выше, высказывая наперед уверенность, что Юлий Галактионович не может поступить дурно. По тогдашнему стесненному положению, в котором мы находились, предложение Некрасовым 250 рублей вместо прежних 300 рублей представляло для нас все-таки большой ресурс, и Юлий Галактионович с Пыпиным готовы были согласиться, но не иначе как с Антоновичем, с которым были связаны товариществом. От сотрудничества Антоновича Некрасов все-таки отказался, так как был недоволен его полемикой с Достоевским и Страховым в "Современнике". Точно также отказался он от всяких гарантий в смысле участия в прибылях. Юлий Галактионович и Пыпин придавали много значения духу корпорации и нашли невозможным участвовать при полном устранении Антоновича и отказались. Антоновичу они не захотели даже сообщать о настоящих причинах своего отказа участвовать в "Отечественных Записках" из чувства деликатности, чтобы он не думал, что внутренне они укоряют его за то стесненное положение, в котором они очутились благодаря чувству товарищества. Ему сообщили только, что их оттолкнуло кулачество Некрасова, который теперь, получивши журнал без затрат и риска, так как скрывался за спиной Краевского, предлагал худшие условия только потому, что знал наверняка, что им деться более некуда и они приперты к стене. То были неисправимые идеалисты, у которых слово не расходилось с делом. Да и не думали они, что поклонники и почитатели, так еще недавно чествовавшие оправданного в первой инстанции Юлия Галактионовича, так быстро отступятся от него под влиянием реакции и станут забрасывать его за то грязью и печатными упреками в корысти, так как Некрасов в объяснении, почему у него не участвуют его прежние сотрудники, говорил, что они много запрашивают и не сходятся с ним. из-за 50 рублей. В опровержение этих слухов Юлий Галактионович и Антонович напечатали брошюру, которая вызвала против них нападки всех чаявших воды у "Отечественных Записок", желавших подслушать последним.

* * *

Отношения Некрасова к женщинам были далеко не корректны. Так, всем известные его и нескрываемые отношения к Авдотье Яковлевне Панаевой, которой он главным образом был обязан своим благосостоянием, одно время приняли весьма некрасивый характер. Живя с ней почти в одной квартире, дверь об дверь по парадной лестнице и связанной непосредственно с его задними комнатами, он не только беззастенчиво принимал у себя француженку, что было оскорбительно для самолюбия Авдотьи Яковлевны, но постепенно низвел последнюю на роль экономки, поселив француженку напротив своей квартиры, по ту сторону Литейной, в доме Тацки.

Однажды он зашел предупредить Авдотью Яковлевну, что не пойдет в клуб, а будет брать ванну, и просил ее озаботиться его ужином, чем она и распорядилась. Ко времени его ужина был накрыт стол на двоих в ее столовой, где обыкновенно он ел. Но вместо Некрасова явился его лакей, захватил оба прибора и готовое блюдо и унес все к французенке, заявив, что Некрасов будет ужинать у нее после ванны.

При таком положении вещей Авдотья Яковлевна не нашла возможным оставаться долее с ним. Так как "Современник", основанный мужем Панаевой, который, кроме своих денег, вложил еще деньги, полученные ею от Огаревой, ничем не оформил свою собственность, и с его смертью Некрасов являлся единоличным владельцем этого журнала, то ее положение становилось весьма тяжелым при отсутствии каких-либо документов. Она обратилась к Юлию Галактионовичу и просила переговорить с Некрасовым относительно ее денежных дел. Юлий Галактионович, не входя в расчеты ее относительно денег Панаева, который уже задолго до своей смерти оставался только ее фиктивным мужем, считал, что Некрасов, проживши с ней чуть ли не 20 - 25 лет и будучи богатым человеком, обязан ее обеспечить и потому не считал возможным в данном случае отказаться от посредничества, хотя бы рискуя полным разрывом с Некрасовым в случае отказа последнего.

К счастью, Некрасов не только согласился с доводами Юлия Галактионовича, но почувствовал прилив необыкновенной нежности к нему, что и высказывал многим нашим общим знакомым: "Вот человек!" - говорил он. Я рада, что могу об этом упомянуть, чтобы меня не заподозрили в сплошном недоброжелательстве к Некрасову, который был именно привлекателен своими широкими взмахами и совершенно неожиданными переходами. Он согласился отдать Панаевой 50 000, которые не мог реализовать сейчас целостью, а передал их векселями Абазы, у которого он около того времени выиграл 300 000, уплаченные ему тоже векселями.

После этого Панаева выехала из дома Краевского и вскоре вышла замуж за покойного секретаря "Современника", моего бывшего товарища по коммуне, Аполлона Филипповича Головачева. Авдотье Яковлевне Панаевой в то время было под пятьдесят лет, и она была лет на пятнадцать старше Головачева; тем не менее она была так умна и привлекательна, что свадьба эта никого не удивила.

Головачев же остался неисправим до конца дней своих. Из секретарства он, конечно, ушел, женившись на Панаевой. Его как-то устроили управляющим типографией князя Голицына. Привыкши жить широко и хлебосольно, Авдотья Яковлевна Панаева продолжала свой прежний широкий образ жизни и по оставлении Некрасова очень скоро спустила 50 000, в чем ей помог ее муж, всегда беспечный. Впоследствии, когда он разошелся с нею и Авдотья Яковлевна впала чуть не в нищету, держась только пособием из Литературного фонда и субсидией, выдаваемой ей ее племянницей, дочерью Краевского, Бильбасовой, Некрасов, благодаря посредничеству своей сестры, сохранившей добрые отношения с Панаевой, не раз помогал последней и завещал ей свой доход с "Отечественных Записок".

Поступок Некрасова с другой женщиной вышел еще грубее. Он привез молодую красивую вдову из Ярославской губернии, где сошелся с ней...

Одно время говорили, что он женится на ней, и он представил ее в качестве невесты в доме Гаевских. Однако прошло несколько месяцев, о свадьбе не было слышно.

Покойный Салтыков как-то в разговоре с нами заметил: "Боюсь, что он и с ней сделает какую-нибудь пакость; симпатичная женщина, только, кажется, уж больно простоватая: скоро ему надоест". И действительно, предсказания Салтыкова скоро оправдались.

Однажды эта вдова явилась прощаться к Гаевским, причем со слезами рассказала, что Некрасов стал с ней грубее и холоднее: не упоминал более о свадьбе, а на днях, после того как у него произошла оргия, в которой принимали участие дамы полусвета и французенки из кафешантанов, когда она пришла с укорами и спросила: "При чем же тут я?", - он самым циничным образом ответил: "Чтобы со мною спать, когда мне этого захочется". - "Тогда я уеду". - "И с Богом: удивительно, как женщины не понимают, когда им пора удалиться". Она и уехала.

Теперь такие грубые выходки не редкость. Современные нравы замечательно огрубели. Нынешние романисты новейшей формации возводят половую похоть, разнузданность и животные инстинкты в идеал жизни. Не так было в наше время. Случались ошибки в выборе жены, но во всяком случае в ней прежде всего искали человека, друга, а не аппетитное тело только. Потому выходки Некрасова внушали негодование даже самым близким его друзьям.

Последняя возлюбленная Некрасова была самая ловкая и сумела довести его до брачного обряда перед самой его смертью. Он венчался лежа в постели, причем ему пришлось заказать походную церковь, обошедшуюся в несколько тысяч. Жена его была необразована, дочь военного писаря и очень хорошенькая.

По поводу этого романа, - если можно было назвать романом последнюю прихоть Некрасова, - мне вспоминается маленький инцидент: Некрасов нанял этой Зиночке квартиру в Поварском переулке, как раз против квартиры Антоновича, с которым в то время совершенно разошелся. Переулок, как известно, узенький, и окна квартиры Зиночки не завешивались, так что Антоновичи, помимо воли, могли наблюдать нежные эволюции парочки. Однажды Антонович, заинтересованный происходящим напротив, взялся за бинокль и как раз был замечен особенно разнежничавшимся Некрасовым. Последний тотчас же прекратил свои нежности около окна и на другой день перевез Зиночку на другую квартиру.

По отзывам близко знавших Некрасова, в последнее время, во время болезни, будущая жена его окончательно овладела им, держала в руках и только при посторонних делала вид, что ухаживает за ним. Она выбрала у него все наличные деньги, по словам его сестры, с которой Некрасов не переставал вести дружбу до самой смерти и которой завещал свои сочинения.

Вообще же, как он однажды высказал Юлию Галактионовичу, он больше всего любил свою собаку, с которой не раз фотографировался. Однажды он пришел к нам совершенно расстроенный и сообщил, что у него пропала собака, и во весь вечер не раз с тоской упоминал об этой потере.

- Вот и выходит, что не следует так привязываться к животным, - заметил ему Юлий Галактионович.

- Да ведь это была моя единственная серьезная привязанность в жизни! - воскликнул он с отчаянием.

Впервые опубликовано в книге: Жуковская Е. И. Записки: брак по принципу, Знаменская коммуна, Плещеев, Некрасов, Салтыков-Щедрин. - Л., Издательство писателей в Ленинграде, 1930.